

ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1994 4

— 25 —

ПОГРЕБЕНИЯ ПО ОБРЯДУ КРЕМАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Среди погребальных памятников, датируемых в пределах первой половины I тыс. н. э., раскопанных на территории Средней Азии, обращают на себя внимание захоронения, совершенные по обряду кремации, которые датируются III—V вв. Эти погребения немногочисленны, поэтому целесообразно привести их краткое описание.

Во время раскопок могильников кушанского времени в Бишкентской долине на юге Таджикистана А. М. Мандельштам раскопал четыре кургана, относящиеся к более позднему времени, чем все остальные, содержащие остатки трупосожжения. Одно погребение раскопано в Тулхарском могильнике (кург. 1,48), два погребения у городища Хан-Газа и одно — несколько севернее Коккумского могильника. Все четыре погребения характеризуются несомненным единством обряда при одном и том же типе погребального сооружения. Во всех случаях это полное трупосожжение, совершенное где-то на стороне с последующим захоронением кальцинированных костей в небольшой грунтовой яме. Последняя неизменно овальной формы, причем вытянута всегда с севера на юг, размеры ямы небольшие: $0,6—0,8 \times 0,55—0,65$ и глубина $0,3—0,4$ м. Судя по чертежу, скопление кальцинированных костей и золы располагалось в северной части ямы. Ямы заполнялись камнями и перекрывались каменной выкладкой из одного слоя камней, близкой по форме к квадрату (рис. 1). Находки в погребениях крайне немногочисленны, судя по всему в каждой могиле был только один предмет. В кург. 1,48 Тулхарского могильника найден железный кинжал без перекрестья и навершия, а в яме под каменной насыпью-выкладкой № 1 у городища Хан-Газа обнаружена бронзовая монета плохой сохранности [1, с. 88—93], предположительно относящаяся к сасанидо-кушанской группе [2, с. 265]. По находкам исследователь памятников А. М. Мандельштам датировал погребения концом IV или началом V в. н. э. [1, с. 91].

В 1973 г. к северу от г. Шерабад Сурхандарьинской обл. Узбекистана был открыт могильник Лоилган. Он состоит из овальных, круглых, прямоугольных или квадратных оград, раскопано семь из них. Отсутствие могильных ям и наличие пепла на древнем горизонте позволили предположить здесь трупосожжение. По немногочисленному вещевому материалу из погребений (железный наконечник стрелы с узкой головкой и вырезом при переходе к длинному черешку и немногочисленные фрагменты керамики) могильник был ориентировочно датирован тюркским временем (VI—VII вв. н. э.) [3, с. 76], однако нельзя исключить и возможности некоторого удревнения его даты [4, с. 134]. Любопытно отметить, что наконечник стрелы и керамика находят аналогии в Приаралье [3, с. 76].

В 1947 г. во время Устюртского маршрута Хорезмской экспедиции на одном из мысов плато Устюрт было открыто обширное курганное поле длиной 6 км при ширине 2,5 км [5, с. 151]. В 1963 г. одним из отрядов Хорезмской экспедиции на могильнике были проведены археологические работы. Всего было вскрыто девять курганов, почти все они имеют грабительские воронки, вследствие чего первоначальная стратиграфия была нарушена. Под насыпями семи курганов

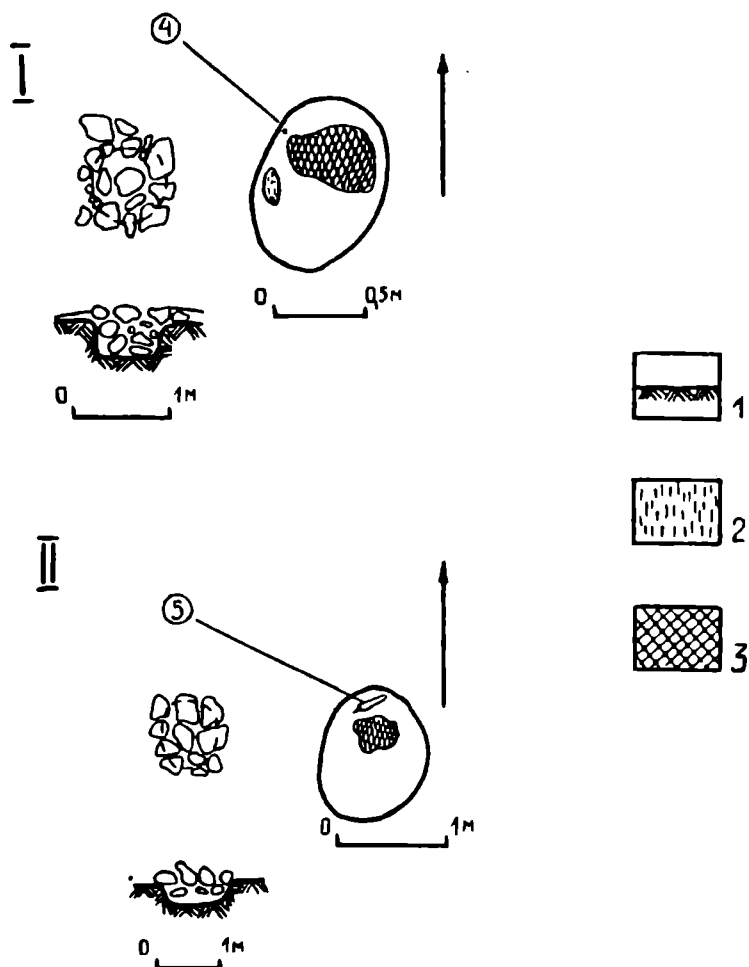

Рис. 1. I. Каменная насыпь-выкладка у городища Хап-Газа. II. Погребение в кург. 1,48 Тулхарский могильник (по А. М. Мандельштаму).

1 — материк; 2 — скопление древесного тлена; 3 — скопление кальцинированных костей; 4 — бронзовая монета; 5 — кинжал

оказались такырные прямоугольные площадки, окруженные прямоугольными неглубокими ровиками. В выбросах грабительских воронок, а иногда непосредственно на поверхности такырной площадки зафиксированы угольки и углисто-золистые слои. В одном случае часть кострища уцелела на месте — в северо-восточной части площадки. Это узкая (до 35 см) полоса метровой длины с золой и углями. По предположению исследователей могильника на площадку были перенесены еще горячие угли погребального костра, расположенного в другом месте. В этом слое была найдена пряжка, которая достаточно прочно датируется IV — началом V в. н. э. [5, с. 158]. Насыпи двух других курганов скрывали под собой отличные от остальных конструкции.

В одном случае (кург. № 2) это каменный склеп прямоугольной формы, который был заполнен песком. Пол погребальной камеры в отдельных местах прокален, обожжены и стены. В заполнении камеры обнаружены трубчатые кости, по мнению исследователей памятника попавшие туда после разграбления позднего впускного погребения. Чаш-тепинский склеп очень напоминает наземные сложенные из камня склепы древних скотоводов Узбоя [6, с. 97—114] и некоторые курумы Северной Ферганы [7, с. 137—178].

Под насыпью кург. № 4 могильника Чаш-тепе оказалась прямоугольная в плане (6,75 × 5,6 м) каменная ограда высотой от уровня современного такыра 0,3—0,4 м. Сложена из того же материала, что и склеп — прямоугольные каменные плитки. Уровень пола внутри ограды зафиксирован на 15 см ниже

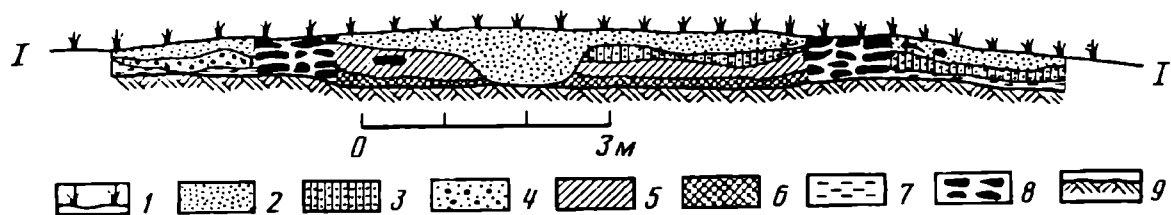

Рис. 2. Могильник Чаш-тепе, кург. 4 разрез I—I.

I — современная дневная поверхность; 2 — слой надувного песка серого цвета; 3 — плотный слой песка коричневого цвета; 4 — слой рыхлого песка с комочками глины; 5 — слой плотного суглинка; 6 — культурный слой (угли, зола); 7 — переплывший камыш; 8 — известняковые плитки; 9 — материк

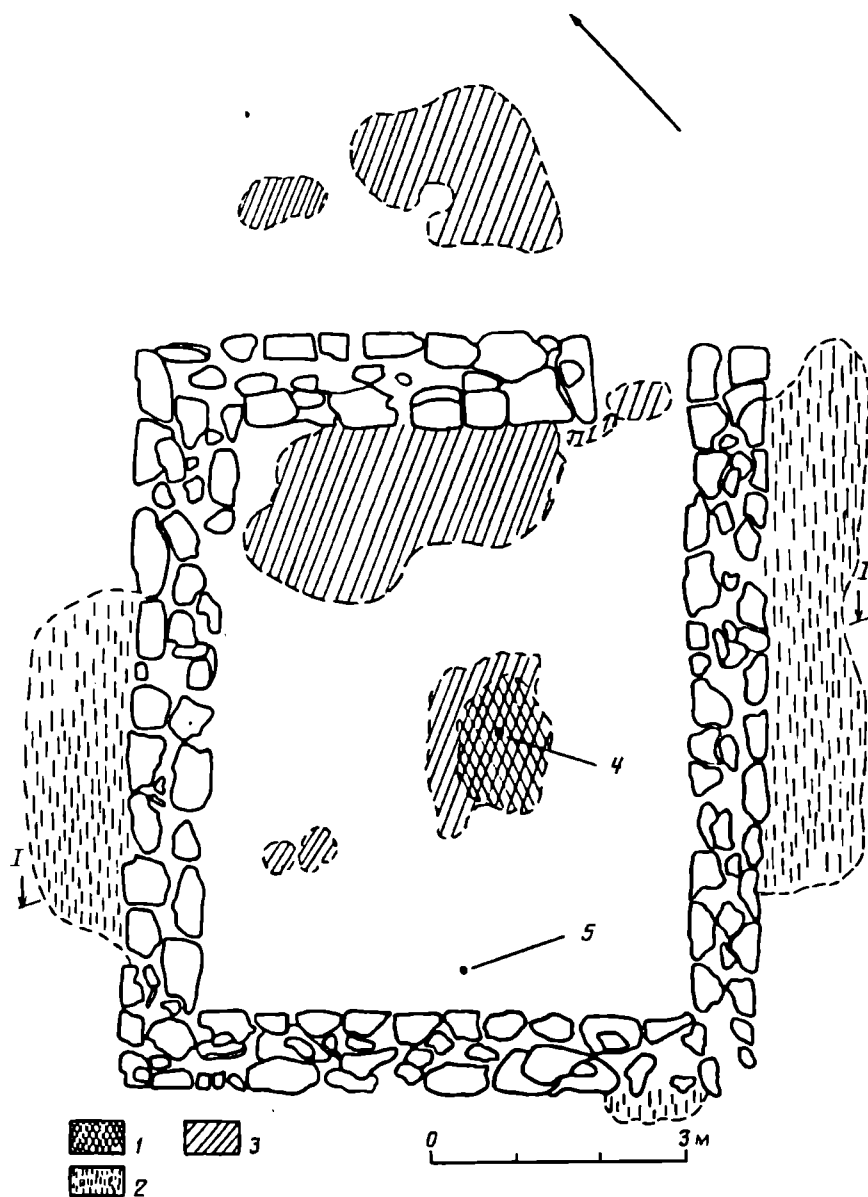

Рис. 3. Могильник Чаш-тепе, кург. 4, план. I—I — линия разреза;

I — следы интенсивного горения, угли, зола; 2 — участки древней поверхности с переплывшим камышом; 3 — следы горения, зола; 4 — каменное точило; 5 — обломки предмета из кости

уровня древнего такыра (рис. 2). Во многих местах пол сильно прокален, а в центре камеры следы от большого кострища. Прокаленные участки зафиксированы и за пределами камеры (рис. 3) [5, с. 162]. По единичным находкам раскопанные на Чаш-тепе курганы можно, по всей видимости, датировать III—V вв. Полученные на Чаш-тепе данные не позволили исследователям более или менее точно определить обряд, по которому совершались погребения в могильнике. Однако есть основания полагать, что это была кремация с захоронением праха неподалеку от погребального кострища [5, с. 164, 165].

В 1970 г. на возвышенности Шахсенем-гыр в левобережном Хорезме был открыт крупный курганный могильник, включающий в себя до тысячи курганов, как отдельных, так и сосредоточенных в курганные группы [8, с. 169]. В дальнейшем работы на могильнике проводились отрядом археологов Института истории АН Туркменистана под руководством Х. Ю. Юсупова. Всего на Шахсенемском гыре раскопан 81 курган, среди них 2 кургана (№ 3 и 59) содержали трупосожжения [9, с. 128—139; 10, с. 69].

В кург. № 3 на древней поверхности обнаружено скопление сплывшихся от огня и окисленных металлических предметов. Среди них найдено семь бронзовых пряжек с круглым щитком и подвижным язычком, с вытянутым щитком и просто круглых с подвижным язычком, серповидный нож или кинжал с широким лезвием, серьги или подвески в виде тяжелых колец с сомкнутыми концами [8, с. 170].

Кург. № 59 дал небольшую и неглубокую овальную яму (глубина 0,2—0,25 м, размеры 1,25 × 0,7 м), заполненную углями и золой. Здесь были найдены бронзовое зеркало, железные ножницы, несколько бусин, пряслице и бронзовый перстень [10, с. 69]. По вещам, найденным в погребениях, все раскопанные курганы датируются III—V вв [8, с. 170].

Необходимо отметить сходство между погребальными сооружениями могильника Лоилган и погребальным сооружением № 4 могильника Чаш-тепе. В обоих случаях участок древней дневной поверхности или такыра ограничивается каменной оградкой, внутри которых непосредственно на поверхности производится захоронение или, как на Чаш-тепе, фиксируется зольник. В обоих случаях невысокая прямоугольная ограда возведена из каменных плиток, положенных плашмя, причем, вероятно всего, и в том и в другом случае не было курганной насыпи. Внутри оград отмечены следы горения — зола и пепел. Аналогичные погребальные сооружения больше нигде на территории Средней Азии не встречаются. Вместе с тем необходимо отметить, что каменные оградки различной формы хорошо известны в погребениях сарматского типа, например на Устьурте, однако здесь внутри оградок или под каменной выкладкой находилось чаще всего погребение в яме по обряду трупоположения [11, с. 193].

Внутри ограды Чаш-тепе (кург. № 4) отмечены следы интенсивного горения, на могильнике Лоилган это не зафиксировано, не исключено, что в последнем случае сожжение совершалось на стороне. И в том и в другом случае находки в погребениях единичны, но при этом обращает на себя внимание тот факт, что немногочисленные формы сосудов из могильника Лоилган находят себе аналогии среди керамических форм раннесредневекового Хорезма.

В некоторой степени близки между собой погребения в Бишкентской долине и курганы с остатками трупосожжений в могильнике Шах-Сенем, особенно это касается кург. № 59, где так же, как и в Северной Бактрии, захоронение совершено в небольшой и неглубокой яме.

Таким образом, в настоящее время на территории Средней Азии известно 22 кургана III—V вв. н. э., в которых совершено захоронение кремированных останков. Все они расположены на территории Северной Бактрии и Левобережного Хорезма. Следует заметить, что и в той и в другой области в это время безусловно преобладает обряд ингумации или захоронение предварительно очищенных костей. Все описанные выше погребения по типу погребального сооружения подразделяются на три основных группы. 1. Захоронения в неглубоких овальных ямах

под каменной выкладкой или курганной насыпью (курганы Бишкентской долины и курганы на возвышенности Шах-Сенем — шесть курганов). 2. Захоронения на уровне древнего горизонта на прямоугольной такырной площадке под курганной насыпью (могильник Чаш-тепе — семь курганов). 3. Захоронения на уровне древнего горизонта внутри невысокой каменной ограды (могильник Лоилган и кург. № 4 могильника Чаш-тепе — всего восемь курганов).

Несколько особняком стоит каменный склеп (кург. № 2 могильника Чаш-тепе). Исследователи памятника считают, что он имел плоское перекрытие и не был заполнен грунтом. Нельзя также с полной уверенностью говорить и о характере захоронения в склепе. Возможно, это была кремация — на полу и на стенах зафиксированы следы прокалисности, однако нельзя исключать и наземного трупоположения. В пользу последнего свидетельствует находка необоженных костей человека, правда во вторичном залегании, и не исключено, что они остались от относительно позднего впускного захоронения. Выше уже отмечалось, что по конструкции Чаш-тепинский склеп близок погребальным сооружениям населения Узбоя и курумам Западной Ферганы, однако следы огня в склепе позволяют предполагать здесь несколько отличный обряд захоронения. В курганах первой и второй групп захоронены остатки кремации, совершенной где-то на стороне, т. е. вне могилы. Возможно, зола переносилась на место захоронения еще горячей, во всяком случае при раскопках Чаш-тепе это установлено точно [5, с. 157].

Несколько сложнее обстоит дело с реконструкцией обряда захоронения останков в курганах третьей группы. К сожалению, результаты раскопок на могильнике Лоилган полностью не опубликованы и невозможно сейчас сказать, совершалась ли здесь кремация непосредственно на месте или же на стороне. Исследователи могильника Чаш-тепе лишь предполагают, что кремация совершалась внутри ограды. В пользу этого предположения свидетельствуют следы интенсивного горения в центре камеры. Вполне возможно, что кремация производилась внутри ограды неоднократно [5, с. 162].

Обряд кремации был достаточно широко распространен на территории Южного Приаралья в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Достаточно вспомнить могильники, расположенные в области древней дельты Сырдарьи: Тагискен [12, с. 81—83], Уйгарак [13, с. 65, 66], Южный Тагискен [12, с. 185], погребения в «шлаковых» курганах на той же территории [14, с. 178—190]. Обряд кремации известен на этой территории и в более позднее время. Следы трупосожжения зафиксированы в погребальных памятниках в бассейне Жанадарьи, таких как Чирик-рабат 2, Чагырлы 2, Баланды 2 и ряде других [12, с. 178, 179]. Все эти погребальные памятники имеют дату не позднее III в. до н. э. На территории Левобережного Хорезма известны курганы, содержащие трупосожжения, совершенные непосредственно на месте, иногда в специальных постройках, но всегда захоронение производилось на уровне древнего горизонта или в ямах [15, с. 33; 16, с. 455]. Кроме того, на этой же территории раскопано несколько курганов, содержащих остатки трупосожжения, совершенного на стороне (могильник Тарым-кая 1, кург. № 30). Наиболее поздние подкурганные захоронения по обряду кремации, выявленные в южной группе могильника Туз-гыр в Левобережном Хорезме, датируются не позднее VI—IV вв. до н. э. [8, с. 167]. Таким образом, наиболее поздние захоронения, совершенные по обряду кремации на территории Южного и Юго-Восточного Приаралья, датируются III в. до н. э. Позднее, вплоть до III в. н. э., в низовьях Сырдарьи абсолютно господствует обряд ингумации, а на территории Древнего Хорезма довольно широко в это время был распространен обряд захоронения предварительно очищенных костей.

На территории Северной Бактрии обряд кремации до III в. н. э. вообще неизвестен. Здесь начиная с эпохи бронзы господствовал обряд ингумации, а в последующие периоды достаточно широко был распространен обряд захоронения предварительно очищенных костей. Любопытно отметить, что обряд кремации совершенно неизвестен здесь и в более позднее время, а именно в эпоху раннего средневековья [17, с. 157—165].

Некоторые детали устройства погребальных сооружений Чаш-тепе (курганы второй группы по нашей классификации), по мнению исследователей могильника, находят определенные соответствия с сакскими курганами низовий Сырдарьи. Однако, как совершенно справедливо отмечают Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская, это мало что даст из-за большого хронологического разрыва между сопоставляемыми памятниками [5, с. 166]. Действительно большой временной промежуток — не менее шести веков — не позволяет нам связывать посткушанские погребения по обряду кремации непосредственно с трупосожжениями сакского времени на территории Приаралья.

Все эти факты дают основание предполагать, что обряд трупосожжения, вновь появившийся на территории Средней Азии в III—IV вв. н. э., был привнесен на территорию Левобережного Хорезма и Северной Бактрии извне. Еще более, на наш взгляд, подтверждает это предположение и тот факт, что в других областях Средней Азии обряд кремации в это время совершенно неизвестен.

Курганы с трупосожжениями отсутствуют на территории Азиатской Сарматии. Хотя, по мнению К. Ф. Смирнова, культ огня и солнца особенно четко проявляется в различных формах присутствия огня в погребениях: сожжение надмогильных сооружений (перскрытий), засыпка могил остатками костра, сопровождавшиеся иногда частичным обожжением покойников. Тем не менее, как отмечает тот же автор, «трупосожжение совершенно чуждо сарматам» [18, с. 158; 19, с. 169—202], более того, позднее культовый огонь постепенно замещается в сарматских погребениях белым веществом (кусками мела и его порошком). Следы огня отмечаются и в отдельных курганах на плато Устюрт, которые по устройству погребального сооружения и погребальному обряду обнаруживают значительную близость с погребальными памятниками сарматского круга нижнего Поволжья и Северного Казахстана [11, с. 194—196].

Погребения, содержащие остатки трупосожжения, довольно часто встречаются в некрополях юго-западного Крыма, причем известны захоронения кальцинированных костей как в амфорах, так и просто в небольших ямках [20, с. 75, 99; 21, с. 157]. По чисто формальным признакам последние отдаленно напоминают погребения по обряду кремации в Бишкентской долине на юге Таджикистана (Бактрия), однако, как нам представляется, они не связаны между собой и имеют совершенно самостоятельные линии развития. Трупосожжения, раскопанные в Крыму, как считают многие исследователи, генетически связаны с погребальным обрядом местных римских колоний [20, с. 99], и вряд ли трупосожжения, известные на юге Таджикистана, даже чисто гипотетически, можно было бы связывать с влиянием римского погребального обряда.

Более близки среднеазиатским, как представляется сейчас, погребения кремированных останков, распространенные на территории Южной Сибири — в Минусинской котловине и на территории Забайкалья в первой половине I тыс. н. э.

На территории Тувы, на позднем этапе Шурмакской культуры, наряду с трупоположением появляются курганы с трупосожжениями под каменными насыпями. Кремация совершалась на стороне, угли переносились еще не остывшими на место погребения, захоронение совершалось на уровне древней дневной поверхности [22, с. 114, 115]. Кроме курганов, содержащих остатки трупосожжения на горизонте, к позднешурмакскому периоду относятся курганы, под которыми содержатся погребения в гробницах из каменных плит, опущенных в грунтовые ямы, в которых обнаружены погребения кремированных останков, а также трупоположения по старому обряду [22, с. 115]. Несмотря на географически отдаленную аналогию, отметим некоторое сходство отдельных курганов с трупосожжениями на территории Средней Азии с позднешурмакскими именно в обряде захоронения останков. Это прежде всего касается кург. № 3 могильника Шах-Сенем, где кремация также совершена на стороне и захоронение было произведено на уровне древнего горизонта. В меньшей степени близки позднешурмакским курганам с трупосожжением на древнем горизонте курганы в Бишкентской долине, где захоронение производилось в неглубокой яме под каменной

насыпью-выкладкой. С другой стороны, курганы Бишкентской долины в какой-то степени близки позднешурмакским курганам с трупосожжениями в «гробницах», которые по существу являются небольшими ямами, стенки которых обложены камнями. Так, например, «гробница» с трупосожжением, впущенная в кург. № 53 в Кокэле, имеет размеры $1,2 \times 0,7 - 0,4$ м. В этом кургане были найдены кусочки железа, обломок точила и миниатюрный ножик. Характерной чертой, отличающей среднеазиатские курганы, является полное отсутствие в погребениях керамики, тогда как в позднешурмакских курганах, во всяком случае с трупосожжениями на горизонте, керамика обязательно присутствует [22, с. 112—115].

На территории Тувы в долине Хачы-Хову была раскопана группа погребений, содержащих, по мнению А. Д. Грача, трупосожжения [23, с. 207—213]. Воздерживаясь от этнических определений, отметим, однако, некоторое сходство раскопанных в Хачы-Хову кольцевых каменных выкладок с курганами Бишкентской долины. В центре каждой из выкладок были обнаружены ямки глубиной до 0,5 м, заполненные золой, в которой зафиксированы обломки кальцинированных костей человека. Во всех случаях, что особенно следует отметить, ямки перекрыты каменными плитками [23, с. 209, 210].

Обряд кремации преобладает на территории Хакасско-Минусинской котловины в Таштыкскую эпоху, особенно на последних ее этапах. Для нас особый интерес представляют погребения под подквадратными каменными выкладками и оградами камешковского переходного этапа. В этот период захоронения совершались в небольших и не очень глубоких ямах квадратной или прямоугольной формы, причем стенки ям в большинстве своем не укреплены [24, с. 28—33]. Обращает на себя внимание конструкция надмогильных сооружений, чаще всего это невысокая каменная ограда, причем иногда довольно больших размеров. Например, ограда кургана у р. Быстрая, относящаяся, по мнению Л. Р. Кызласова, к самому началу формирования новых форм надмогильного сооружения, имела достаточно внушительные размеры $11,6 \times 9$ м, где было обнаружено 34 трупосожжения. Наконец, нельзя не отметить еще одну любопытную деталь — каменные ограды камешковского этапа возводились самым тщательным образом из каменных плиток, не исключено, что первоначально они скреплялись глиняным раствором. Напомним в связи с этим, что ограда кург. № 4 могильника Чаш-тепе также сложена из прямоугольных известняковых плиток на глиняном растворе. Уровень пола внутри каменной ограды был немного ниже уровня древнего такыра, не исключено, что углубление было сделано искусственно. В свою очередь курганы в Бишкентской долине и кург. № 59 могильника Шак-Сенем имели овальные неглубокие ямы, в которые помещались остатки трупосожжения, и кроме того, курганы в Северной Бактрии были перекрыты прямоугольной каменной выкладкой, что является характерной чертой курганов камешковского периода в Минусинской котловине. Все приведенные выше параллели и аналогии кажутся неслучайными. Во всяком случае другие, даже отдаленные, аналогии среднеазиатским трупосожжениям нам не известны. Все эти данные позволяют нам предположить, что одним из направлений культурных и этнических связей Средней Азии в III—V вв. были отдельные области Южной Сибири, а именно Хакасско-Минусинская котловина и территория современной Тувы.

Это предположение уже высказывалось в литературе Е. Е. Неразик на основе материалов, полученных при раскопках городища Куны-Уаз и Канга-калы, и касалось прежде всего Левобережного Хорезма [25, с. 197—200]. Эти выводы подкрепляются данными антропологии, полученными также на территории Левобережного Хорезма. Т. А. Трофимова относила черепа из Канга-калы и Куны-Уаза к местным формам, образовавшимся от смешения населения северо/китайского или близкого к нему типов с европеоидными восточно-средиземноморским или каспийскими, кроме того, она же отметила некоторые черты сходства с уральским (хант., манси) и северо/азиатскими типами [26, с. 679—683]. Интересно, что, по мнению Г. Ф. Дебеца, монголоидные черепа из минусинской котловины также обнаруживают сходство с черепами хантов [27, с. 129]. На

территории Северной Бактрии в краниологических сериях, относящихся к середине I тыс. н. э., монголоидность не ярко выражена, однако, по мнению Т. К. Ходжайова, в серии черепов IV—V вв. из Старого Термеза можно усмотреть наличие монголоидной примеси [28, с. 140]. Все приведенные выше факты позволяют нам сделать некоторые предварительные выводы, соответствующие сегодняшнему уровню изученности проблемы.

В посткушанское время (III—V вв. н. э.) в древнеземледельческих оазисах Средней Азии археологически зафиксировано проникновение инородных, возможно, кочевнических групп населения с севера, связанное, вероятнее всего, с продвижением гуннов на запад. Наиболее ярко это проявляется на северо-западных границах Хорезмского оазиса и в меньшей степени — на территории Северной Бактрии. Среди прочих в этих областях раскопаны погребения по обряду кремации, которые обнаруживают достаточно близкие аналогии между собой и, кроме того, с погребениями по обряду трупосожжения на территории Южной Сибири. По археологическим и антропологическим данным можно предполагать, что в середине I тыс. н. э. (III—V вв. н. э.) на территорию Средней Азии проникают отдельные группы населения из областей Южной Сибири (Минусинская котловина и территория современной Тувы). Наиболее вероятно, что вначале они проникли на территорию Левобережного Хорезма, а затем уже какая-то их часть — на территорию Северной Бактрии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мандельштам А. М. Послекушанские погребения в Северной Бактрии. // КСИА. 1963. Вып. 94.
2. Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.
3. Дукс Х. Новый могильник тюрского времени в Южном Узбекистане. // Успехи среднеазиатской археологии. 1973. Вып. 3.
4. Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М., 1984.
5. Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А. Курганы возвышенности Чаш-тепе. // Кочевники на границах Хорезма. М., 1979.
6. Юсупов Х. Ю. Древности Узбоя. М., 1986.
7. Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972.
8. Вайнберг Б. И. Курганные могильники Северной Туркмении. // Кочевники на границах Хорезма. М., 1979.
9. Юсупов Х. Ю. Курганы Шахсенем-кыра. // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
10. Юсупов Х. Ю. Новые данные о курганах Шахсенем-кыр. // Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад, 1984.
11. Югодин В. И. Памятники кочевых племен древности и средневековья. // Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1978.
12. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
13. Вишневецкая О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII—V вв. до н. э. М., 1973.
14. Левина Л. М. Поселения VII—V вв. до н. э. и шлаковые курганы южных районов Сырдарьинской дельты. // Кочевники на границах Хорезма. М., 1979.
15. Вайнберг Б. И. Памятники куюсайской культуры. // Кочевники на границах Хорезма. М., 1979.
16. Яблонский Л. Т. Раскопки курганов в Северной Туркмении. // АО — 1984. М., 1986.
17. Соловьев В. С. Погребальный обряд раннесредневекового Тохаристана. // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987.
18. Смирнов К. Ф. Сарматы — огнеспондики. // Археология Северной и Центральной Азии. М., 1975.
19. Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
20. Высотская Т. И. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972.
21. Мыц В. Л. Могильник III—V вв. на склоне Чатырдага. // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987.
22. Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М., 1979.
23. Грач А. Д. Древнейшие тюрские погребения с сожжением в Центральной Азии. // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
24. Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960.
25. Неразик Е. Е. О некоторых направлениях этнических связей населения южного и юго-восточного Приаралья в IV—VIII вв. // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
26. Трофимова Т. А. Материалы по палеоантропологии Древнего Хорезма. // Тр. ХАЭЭ. Т. II. М., 1958.
27. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М., 1948.
28. Ходжайов Т. К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, 1980.

CREMATION BURIALS IN THE MIDDLE ASIA

Summary

The author generalizes all the materials about the cremations in the Middle Asia. 22 barrows dated to the 1st millennium AD were excavated in this region. All of them were situated in the left-bank Khorezm and Bactria. All the burials have certain common features and are divided into 3 regions. The large time gap of not less than five centuries three groups according to the type of the burial and under-grave constructions. The author gives a short review of the earlier cremation burials (the late Bronze — the early Iron Age) situated in the southern and south-eastern Aral Sea hinterland time cremation burials in spite of some common features in the burial to connect the cremations of the 3—5 centuries AD directly with the Saka constructions. Let draw a conclusion that the cremation rite was brought here from outside. The most close analogies are the cremation burials. Both this fact and the absence of the cremations in the other Middle Asia region of the late Shumak time (3—5 centuries AD) situated on the modern Tuva territory and the late Tashtyk barrows excavated near Minusinsk. The author analyzes the materials and suggests that some Northern Siberia groups of population migrated to the Middle Asia, first of all to the left-bank Khorezm and then to the Northern Bactria. It can be connected with the Hunnic tribes migration to the West.

Читал

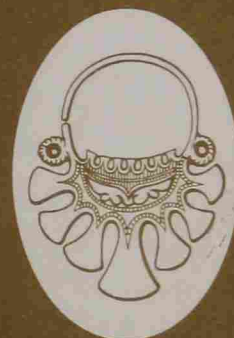
ISSN 0869-6063

Номер 3

Июль - Август - Сентябрь
2006

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<http://www.naukaran.ru>
<http://www.maik.ru>

“НАУКА”

ГОНЧАРНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. ДО Н.Э. – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н.Э. (структура и система размещения)

© 2006 г. С. Б. Болелов

Государственный музей Востока, Москва

В 1961 г. была опубликована статья М.Г. Воробьевой, в которой на основании данных картографии был поставлен вопрос о системе и принципах размещения гончарных производств на территории Средней Азии (1961. С. 147–179). Имеющиеся в настоящее время археологические данные позволяют вернуться к этой проблеме и рассмотреть структуру и систему размещения гончарных производств на территории Средней Азии на протяжении длительного исторического периода.

Предметом изучения послужили объекты, связанные с гончарством и датированные в пределах второй половины I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. Столь длительный отрезок времени выделен не случайно.

В середине I тыс. до н.э. гончарный круг и двухъярусный обжигательный горн распространяются практически на всей территории региона. Этот период можно считать начальным этапом становления ремесленного товарного производства керамической посуды на территории Средней Азии (Массон, 1974. С. 7, 8).

После гибели державы Ахеменидов и походов Александра здесь возникают первые крупные государственные образования. Следствием этого процесса в сфере экономики является формирование единого внутреннего рынка в историко-культурной области, что знаменует возникновением внутригосударственной единой монетной системы (Ртвеладзе и др., 2000. С. 59–70). Изменения в социально-экономической структуре общества влияли на структуру и систему размещения ремесленных керамических производств, а подчас и формировали ее.

В середине I тыс. н.э. области Средней Азии подвергаются неоднократным вторжениям извне, что приводит к коренным изменениям в политической и социально-экономической системе древних обществ (Неразик, 1997. С. 43, 44).

На фоне этих исторических событий и социально-экономических изменений рассматривается структура и система размещения гончарных производств.

Всего на территории Средней Азии в настоящее время зафиксировано более 70 археологиче-

ских объектов середины I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э., непосредственно связанных с керамическим производством (рис. 1).

Наибольшее количество памятников (30), открыто в Хорезме. Значительное количество объектов раскопано в северной Бактрии и Маргиане – 18 и 7 соответственно. Хуже изучено керамическое производство этого времени в Согде (5 объектов) и Парфии (6). На территории среднего и нижнего течения Сырдарьи и в Фергане гончарные производства указанного периода практически не исследованы. Все учтенные объекты различны по размерам и объему производства, а также по месту расположения относительно населенного пункта. По этим признакам можно выделить несколько типов памятников.

Ремесленные гончарные поселения (1-й тип) – наиболее крупные по объему производства – от 15 до 40 обжигательных горнов. Это рассредоточенные неукрепленные поселения, где практически около каждой усадьбы располагались обжигательные горны. К этому типу относятся Нурумское поселение в левобережном Хорезме, поселение к северу от Бабиш-мулла 1 (рис. 2, Б), Джин-депе в Маргиане, а также, по всей видимости, Алтын 3 в Бактрии. Самые ранние из них – Алтын 3 и Бабиш-Мулла 1 датируются серединой – второй половиной I тыс. до н.э. Нурумское поселение и Джин-депе – первыми веками до н.э. – первыми веками н.э.

Наиболее изученным среди перечисленных является Нурумское поселение, занимавшее центральную часть небольшого одноименного оазиса (рис. 2, А).

Основным занятием жителей поселения, помимо земледелия, было гончарное производство. Здесь зафиксировано не менее 40 обжигательных горнов; 9 из них раскопаны. Отдельно стоящих мастерских не выявлено, но рядом с горнами обнаружены следы навесов и рабочие площадки (рис. 3, А). Вероятно, при благоприятных погодных условиях здесь формировались крупные сосуды. По этнографическим данным в Хорезме крупные сосуды, а также тонуры-печи для лепешек делали на улице (Екимова, 1959. С. 347–350). Видимо, такая же ситуация была и в древности – в теплое время года

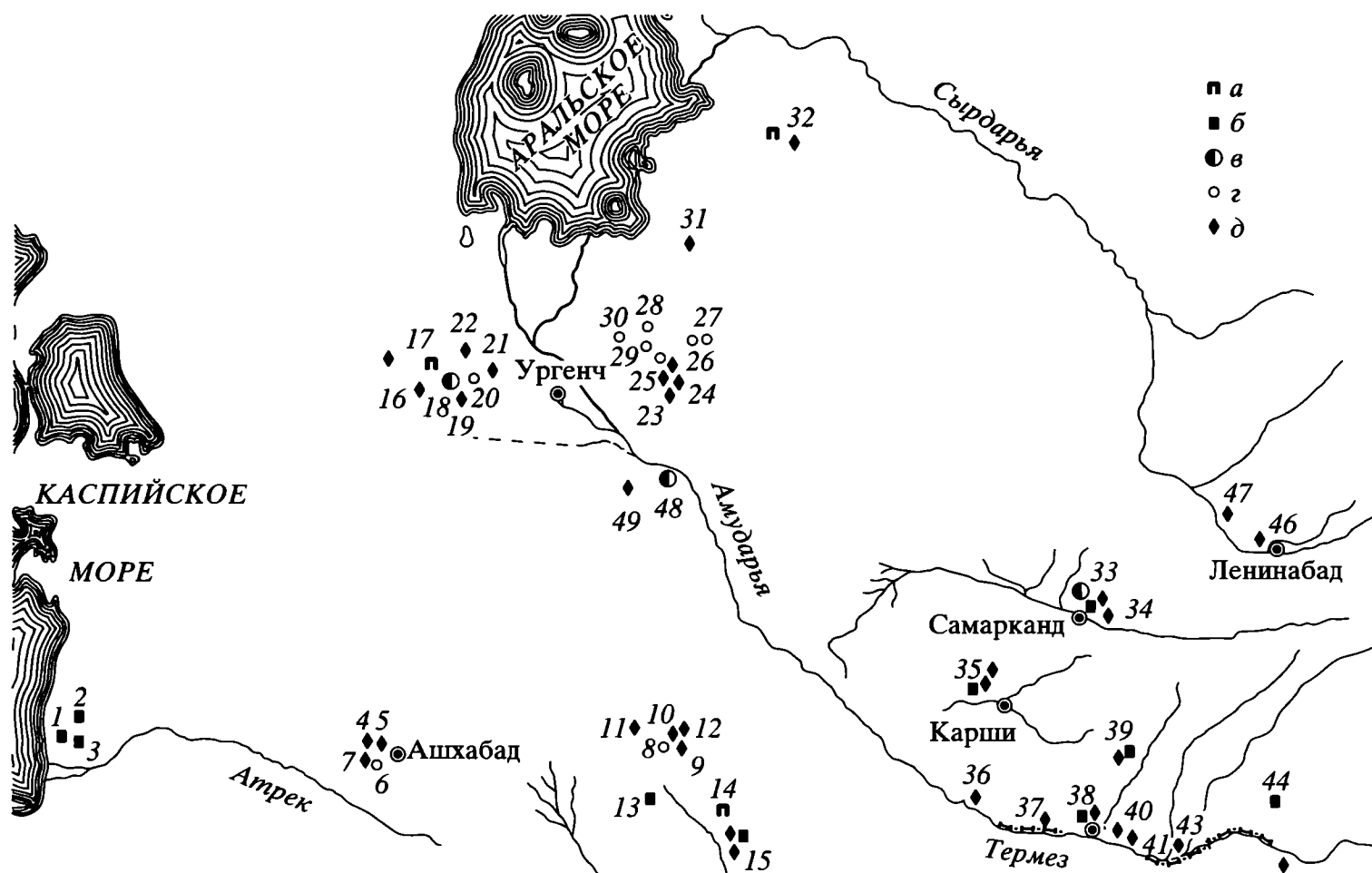

Рис. 1. Керамические производства на территории Средней Азии. а – ремесленные поселения; б – гончарные кварталы; в – крупные производственные центры; г – производственные центры; д – отдельные гончарные мастерские.

посуда формовалась на улице, недалеко от дома, рядом с горнами, а зимой сосуды изготавливали в помещении усадьбы. В данном случае можно говорить об одной из форм гончарного производства, выявленной А.А. Бобринским по археологическим и этнографическим данным на территории Восточной Европы. Это – постоянное или непостоянное рабочее место в одном из помещений жилого дома и нетрадиционное обжиговое устройство (горн, находящийся рядом с домом). Такая форма гончарного производства фиксирует переход от работы на заказ и для собственных хозяйственных нужд к работе на рынок (1989. С. 12–20).

Общая площадь раскопанной на Нурумском поселении усадьбы составляет 616 м². Площадь жилых помещений – 155 м². Приблизительно такими же были размеры домов на Джанбаскалинском поселении в правобережном Хорезме. По мнению Е.Е. Неразик, в таком доме могли проживать 7–10 человек (1979. С. 45). Материалы, полученные на Джанбаскалинском поселении, дали основание предполагать, что его населяли люди примерно одного уровня состоятельности, очевидно свободные общинники (Неразик, 1987. С. 78). То же самое можно сказать и о Нурумском поселении, с той лишь разницей, что на Джанбаскалинском поселении жили земледельцы, а на Нурумском, в основ-

ном, профессионалы ремесленники, сочетавшие ремесло с земледелием. На Джанбаскалинском поселении во владение одного домохозяйства входили земельный надел, виноградник, оросительное устройство (Неразик, 1987. С. 16). По сведениям иранских и индийских источников, недвижимость родственной агнатической группы составляли дом, поле, роща, колодец, оросительный канал (Неразик, 1979. С. 43). Если предполагать, что на Нурумском поселении жили свободные общинники, имеющие во владении земельные наделы, на территории которых находились обжигательные горны, то следует признать, что в состав домовладения входила керамическая мастерская. В этом случае каждую усадьбу на Нурумском поселении можно считать жилищно-производственным комплексом, включающим в себя земельный надел, дом, хозяйственные постройки и ремесленное производство (рис. 3, Б).

Наличие на Нурумском поселении следов других производств, помимо гончарного (Вайнберг, Болелов, 1999. С. 46–61), дает основание полагать, что оно было небольшим торгово-ремесленным центром – “торговым селением”. Такие поселения – “базары” существовали на территории Хорезма много позднее, во времена Хивинского ханства. В них был дом правителя – хакима, а также ремес-

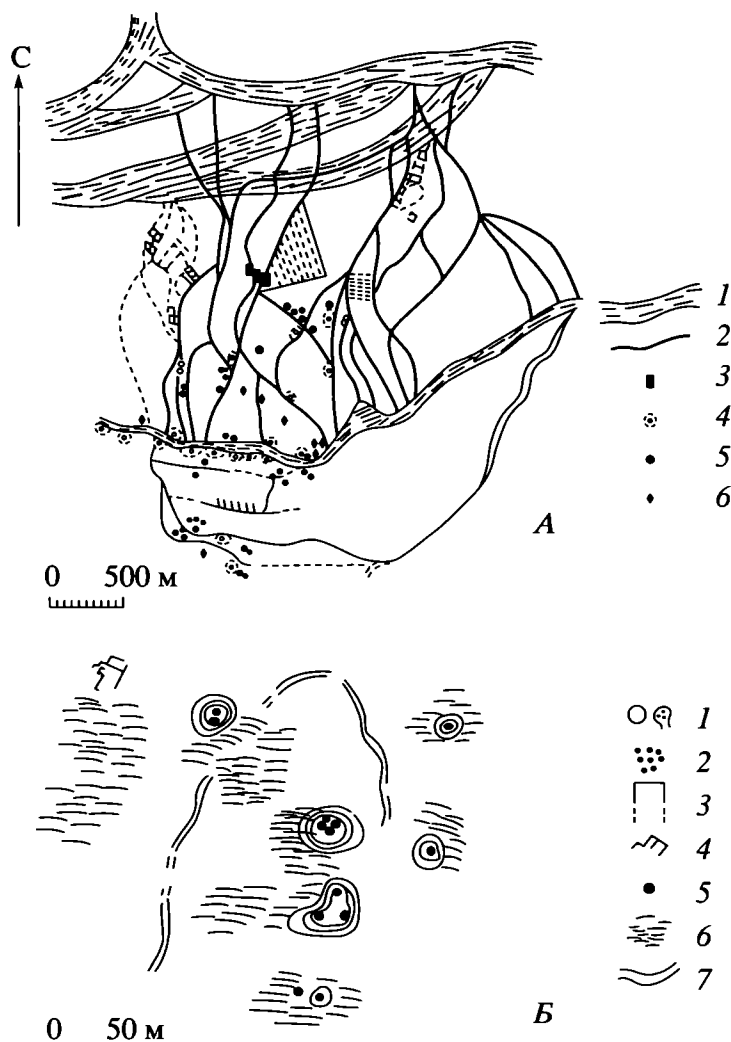

Рис. 2. Ремесленные гончарные поселения. Нурумский оазис и поселение гончаров к северу от городища Бабиш-Мулла. А – Нурумский оазис: 1 – русло; 2 – каналы; 3 – центральные усадьбы; 4 – усадьбы; 5 – горны; 6 – винодавили. Б – поселение гончаров к северу от городища Бабиш-Мулла: 1 – горны; 2 – скопления керамики; 3 – следы построек; 4 – усадьбы; 5 – горны; 6 – керамический шлак, керамика; 7 – русла.

ленные производства и торговые лавки. Эти поселения снабжали товарами не только туркмен, живших на близлежащих землях, но и кочевников из отдаленных районов (Вайнберг, 1961. С. 17, 18).

Раскопки проводились также на территории поселения Джин-депе в Маргиане. Общая площадь поселения около 3 км². Здесь было не менее 15 обжигательных горнов (Древнейшие государства..., 1985. С. 378. Табл. ХС, 7). Его планировка обнаруживает определенное сходство с Нурумским. В центре возвышался бугор (дом правителя?), а вокруг располагались «кварталы» (возможно, крупные усадьбы – Б.С.). Один из жилых массивов был частично раскопан. Он включал в себя три домовладения. К двум из них относятся обжигательные горны, бывшие, видимо, собственностью домовладельца (Кошеленко, 1966. С. 78–81).

Приведенные данные позволяют предположить, что в ремесленных поселениях проживали свободные общинники-ремесленники, обладав-

шие собственностью на землю и средства производства. На других ремесленных поселениях раскопки не проводились, но их планировочная схема, например поселения к северу от городища Бабиш-Мулла 1 (рис. 2, Б), дает основание считать, что по своей структуре они близки поселениям описанным выше.

Объекты 1-го типа расположены на окраине земледельческих оазисов, в зоне расселения скотоводов, для которых, надо полагать, и предназначалась их продукция (Кошеленко, 1966. С. 73; Болелов, 1997. С. 69). К их возникновению могла быть причастна государственная власть. Можно провести параллель между ремесленными поселениями Средней Азии и поселениями в окрестностях Ниппура V в. до н.э., где ремесленники были наделены землей из государственных фондов, распределены на артели (*hatru*) и отбывали государственные повинности за право пользования землей (Дандамаев, 1974. С. 180, 181). Возможно, часть земельных наделов ремесленников была в частной собственности, как, например, в византийском Египте (Фихман, 1965. С. 73–75).

Гончарные кварталы (2-й тип). Этот тип памятников зафиксирован на большинстве крупных городищ в южных областях Средней Азии. Они располагались на территории города, в пределах крепостных стен. Гончарные кварталы изучены на городищах Дальверзин-тепе в северной Бактрии и Еркурган в Согде. Они были на городищах Саксанохур и Зар-тепе (Пидаев, 1988. С. 34) в северной Бактрии, а также на Афрасиабе (Шарахимов, 1977. С. 115) и Мерве (Филанович, 1974. С. 21–23; Ахраров, Усманова, 1980. С. 49–56). Гончарный квартал занимал участок городища, где в условиях плотной городской застройки располагались мастерские, горны и жилые помещения.

На Дальверзин-тепе квартал керамистов находился в южной части городища. Здесь раскопан жилищно-производственный комплекс, а рядом с ним 4 обжигательных горна. Всего на Дальверзин-тепе раскопано 11 обжигательных горнов I–II вв. н.э. (рис. 4) (Пугаченкова и др., 1978. С. 125–130). В северо-западной части квартала открыт небольшой храм Бактрийской богини, который можно трактовать как кварталное святилище (Пугаченкова, 1981. С. 112–117).

На городище Еркурган остатки гончарного производства выявлены на четырех раскопах в восточной части городища. Квартал керамистов существовал в этой части города с первых веков до н.э. и вплоть до эпохи раннего средневековья. Горны располагались в одном из помещений или в небольшом дворике отдельного домовладения – жилищно-производственного комплекса (Исамиддинов, Хасанов, 2000. С. 60–106). В южной части квартала выявлен участок, отделенный общей стеной от остальной части города (Исамиддинов, Раимкулов, 1991. С. 123–132).

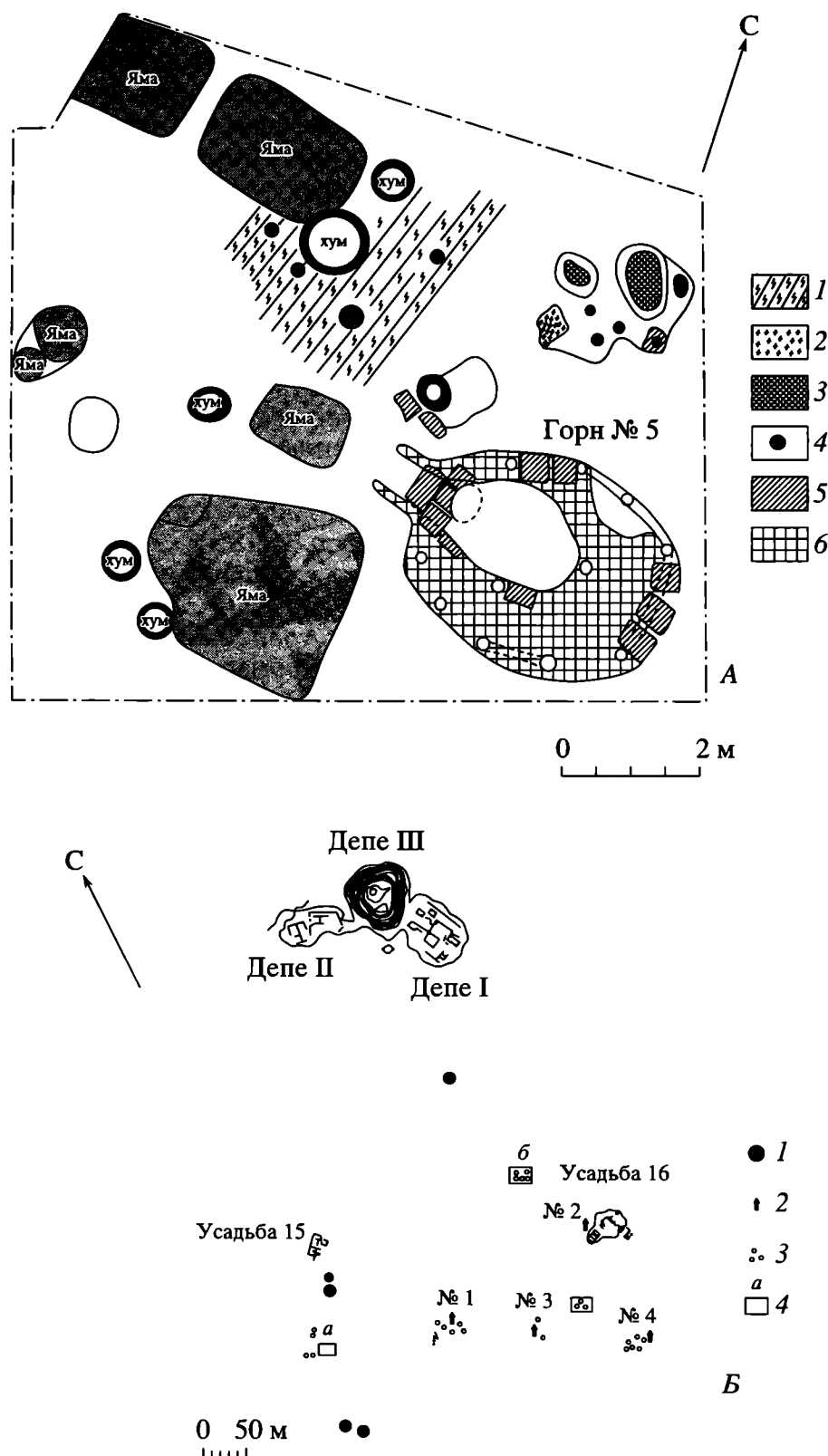

Рис. 3. Нурумское поселение. А – горн № 5 Нурумского поселения: 1 – разрушенная кладка сырцовых кирпичей; 2 – пережженный гипс; 3 – зольники; 4 – столбовая ямка; 5 – сырцовые кирпичи; 6 – прокаленная поверхность пода обжигательной камеры. Б – план центральной части Нурумского поселения: 1 – обжигательный горн; 2 – винодавиля; 3 – стационарно установленные хумы; 4 – отдельные небольшие постройки.

На городище Саксанохур в южном Таджикистане, на территории квартала керамистов, функционировавшего на протяжении всего периода жизни городища, открыты два жилищно-производственных комплекса и 9 обжигательных горнов. Хозяйственные помещения были незначи-

ми – 2.4×1.8 м; жилые – несколько больше – 4×3 м (Мухитдинов, 1968. С. 28–35).

На территории Мерва и Афрасиаба широко-масштабных исследований гончарных кварталов эпохи античности не проводилось, но существовавшие керамического производства в определенной

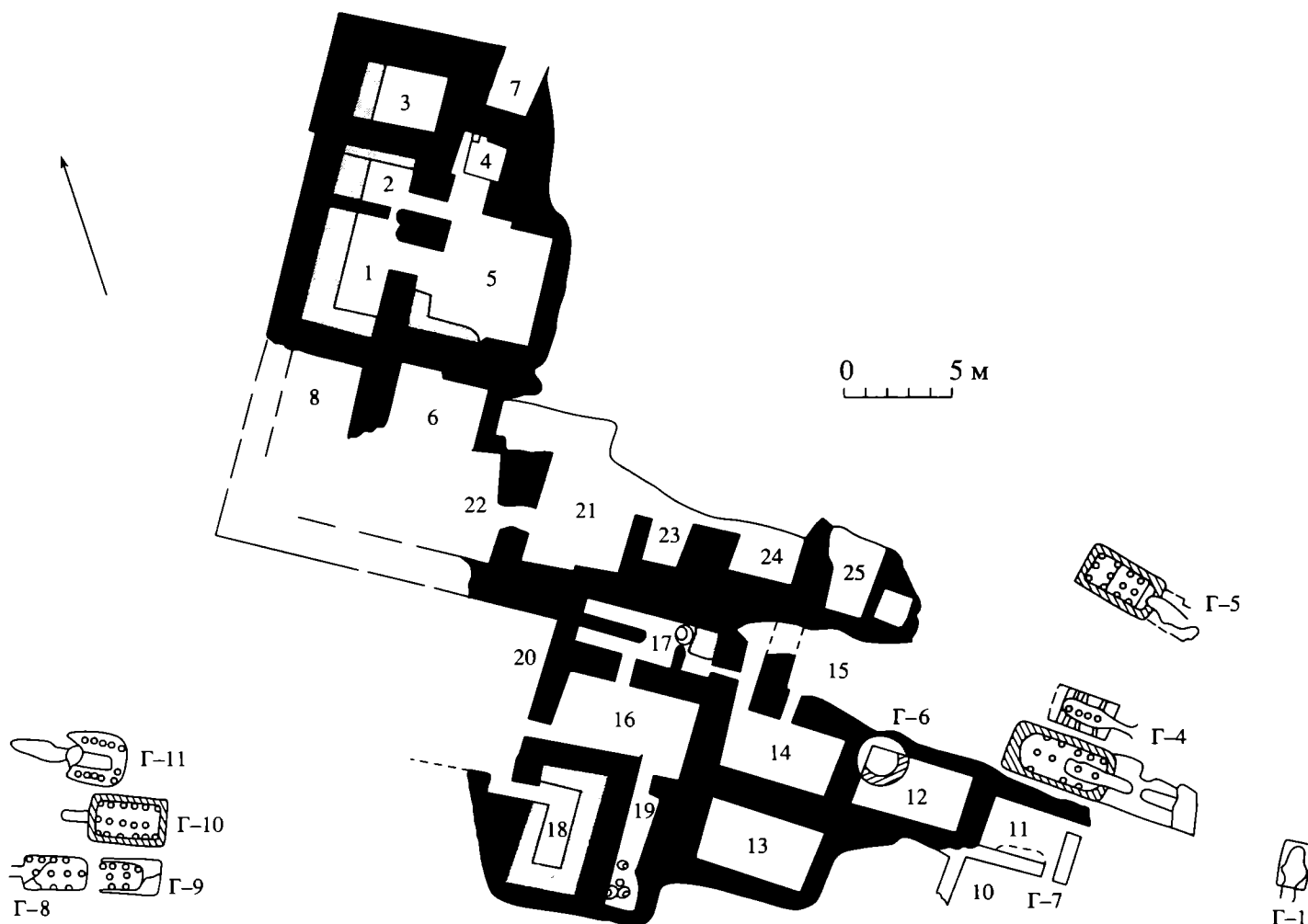

Рис. 4. Квартал керамистов на Дальверзин-тепе.

части городища в этот период установлено точно по материалам шурфов и зачисток.

Исследователями истории и археологии Средней Азии не раз поднимался вопрос о времени возникновения ремесленных организаций или цехов на территории Среднего Востока. Большинство исследователей относит их формирование к эпохе развитого средневековья. Подробные известия о них датируются не ранее XIII–XIV вв. н.э. (Беленицкий, 1940. С. 43–47; Лунина, 1962. С. 406, 407; Белова, 1995. С. 181). Однако в письменных источниках содержатся данные, свидетельствующие о существовании организаций ремесленников и в значительно более раннее время.

В Индии организации ремесленников – *шрени*, состоявшие из людей разного социального и имущественного статуса, но занимавшихся определенным производством, существовали уже в середине I тыс. до н.э. Их созданию способствовали локализация ремесел и существование наследственных профессий (Бонгард-Левин, Ильин, 1985. С. 287). Взаимоотношения между членами корпораций регулировались существующим законодательством, а внутри была определенная иерархия (Литвинский, Седов, 1983. С. 133, 134).

По документам нововавилонского и ахеменидского периодов из Месопотамии известны свободные ремесленники, работавшие по договору и получавшие за работу плату (*idu*) деньгами и продовольствием. Царские ремесленники упоминаются лишь в немногочисленных текстах (Дандамаев, 1974. С. 178, 179). Существует точка зрения, что уже в это время ремесленники были объединены в автономные корпорации (Mendelsohn, 1940. С. 68–72; Weisberg, 1967. С. 99–103). Более распространенным является мнение, что объединения ремесленников состояли из зависимых государственных работников (Дандамаев, 1974. С. 175; 2004. С. 69–80). На территории Ирана эпохи Ахеменидов известны лишь царские ремесленники, которые находились под строгим контролем государства (Дандамаев, Луконин, 1980. С. 185). В источниках упоминаются мастерские по производству посуды, оружия и одежды в Сузах, корабельные верфи и мастерские по производству посуды в Египте (Дандамаев, Луконин, 1980. С. 184). Мастерские по производству царской посуды открыты в Вавилоне (Strommberger, 1967. С. 41).

В государстве Селевкидов существовали фискальные службы, которые собирали налог с ре-

месленников. В Персии, наряду с налогом, который платила община, сатрапы собирали на свои собственные нужды налоги непосредственно с подданных, в том числе налоги с ремесленников (Бинкерман, 1985. С. 104). В Парфянском государстве налоги на ремесло входили в систему “царских налогов” (Луконин, 1987. С. 149). Видимо, во всех этих документах идет речь о свободных или лишь в какой-то степени зависимых от государственной власти ремесленниках, но не говорится об организации, объединявшей людей по профессиональному признаку.

Данные об автономных ремесленных корпорациях в Иране относятся ко времени правления Сасанидов. В пехлевийских текстах говорится о различных группах ремесленников, у которых было 16 храмов огня (Касумова, 1983. С. 80, 81). В протоколах несторианских соборов упоминаются старшины ремесленных объединений. Анализ терминов, зафиксированных в источниках, дает основания полагать, что это были ремесленные корпорации, внутри которых существовала своя иерархия (Тревер, 1967. С. 157–160). Каждая отрасль ремесленного производства в городе имела свой рынок. Представители одинаковых профессий объединялись в производственные объединения – профессионально-цеховые организации со своими уставами. Вырабатывались условия работы и условия оплаты труда (Пигулевская, 1956. С. 219–225; Солодухо, 1963. С. 160–164).

В Иране VI–VII вв. были и царские ремесленники. В документах помимо “главы земледельцев” упоминается “глава ремесленников”, который, по-видимому, ведал царскими мастерскими (Тревер, 1967. С. 159; Луконин, 1987. С. 143). Аналогичная ситуация зафиксирована в Египте IV – первой половины VII в. по текстам папирусов из Оксинирха (Фихман, 1965. С. 90).

Таким образом, по данным письменных источников, можно говорить о том, что в эпоху раннего средневековья и в Иране, и в Византии наряду с государственными мастерскими существовали автономные ремесленные корпорации.

В письменных источниках по областям Средней Азии таких данных нет. Вместе с тем некоторые исследователи считают возможным существование в этом регионе корпораций ремесленников уже в кушанское время, подчеркивая при этом, что степень их “оформленности” была ниже, чем в Индии (Литвинский, Седов, 1983. С. 135).

Археологические данные косвенно свидетельствуют в пользу такого предположения. Об определенной обособленности и организационной самостоятельности свидетельствует наличие на Дальверзин-тепе квартального храма, а на Еркургане небольших святилищ и общеквартальной внешней стены. О наличии у ремесленников своих храмов в более позднее время прямо говорят при-

водившиеся выше сведения пехлевийских “Риваятов” (Касумова, 1983. С. 80).

Социальный статус людей, проживавших и работавших в кварталах керамистов в древности, остается неизвестным. Они могли быть как свободными ремесленниками, работающими на рынок, так и зависимыми, в первую очередь удовлетворяющими потребности правителя.

Гончарные кварталы зафиксированы только в южных, наиболее урбанизированных областях Средней Азии – Бактрии, Маргиане и Согде, где город являлся ремесленным и торговым центром сельскохозяйственной округи (Литвинский, 1981. С. 121; Болелов, 2001. С. 24). Этот тип гончарного производства является традиционным, особенно для южного Туркменистана, где в конце III – начале II тыс. до н.э. специализированное гончарное ремесло окончательно отделяется от земледелия. В структуре крупного городского центра (Алтын-депе) выделяется квартал керамистов – планомерное воплощение функции города как ремесленного центра (Масимов, 1976. С. 90; Массон, 1976. С. 66–70). На территории Бактрии, где крупных протогородских центров эпохи бронзы не обнаружено, а население проживало в укрепленных общинных поселках, гончарные кварталы не выделяются (Аскарлов, 1977. С. 130–134). Возможно, они появляются здесь не ранее конца II – первой трети I тыс. до н.э., когда в Бактрии возникают городские центры с цитаделью типа Алтын 1, Алтын-Дилляр-тепе, Кызыл-тепе, Джаркурбан (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С. 29).

В областях, где процессы урбанизации проходили не столь интенсивно и преобладало сельское население, например, Хорезм второй половины I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э., гончарных кварталов в городах пока не зафиксировано (Неразник, 1981. С. 222; Болелов, 1997. С. 66, 67). Единственный обжигательный горн, располагавшийся в пределах городских стен, был открыт в Хазараспе, но размеры этого производства неясны, и преждевременно говорить о существовании здесь квартала керамистов (Воробьева и др., 1963. С. 168–170). Однако до проведения полномасштабных археологических раскопок крупных городских центров в южном Хорезме нельзя говорить и о полном отсутствии на территории области гончарных кварталов. В то же время, в северных районах, где городища, наряду с сельскими поселениями, изучены лучше (Городище Топрак-кала, 1981. С. 138, 139), на территории города (Топрак-кала, Куня-Уаз) они не зафиксированы.

Производственные центры (3-й тип) – компактная группа горнов от 5 до 15. По месту расположения относительно поселения можно выделить два варианта этого типа памятников: а) производственные центры, вынесенные за пределы поселения на значительное расстояние; б) – группа

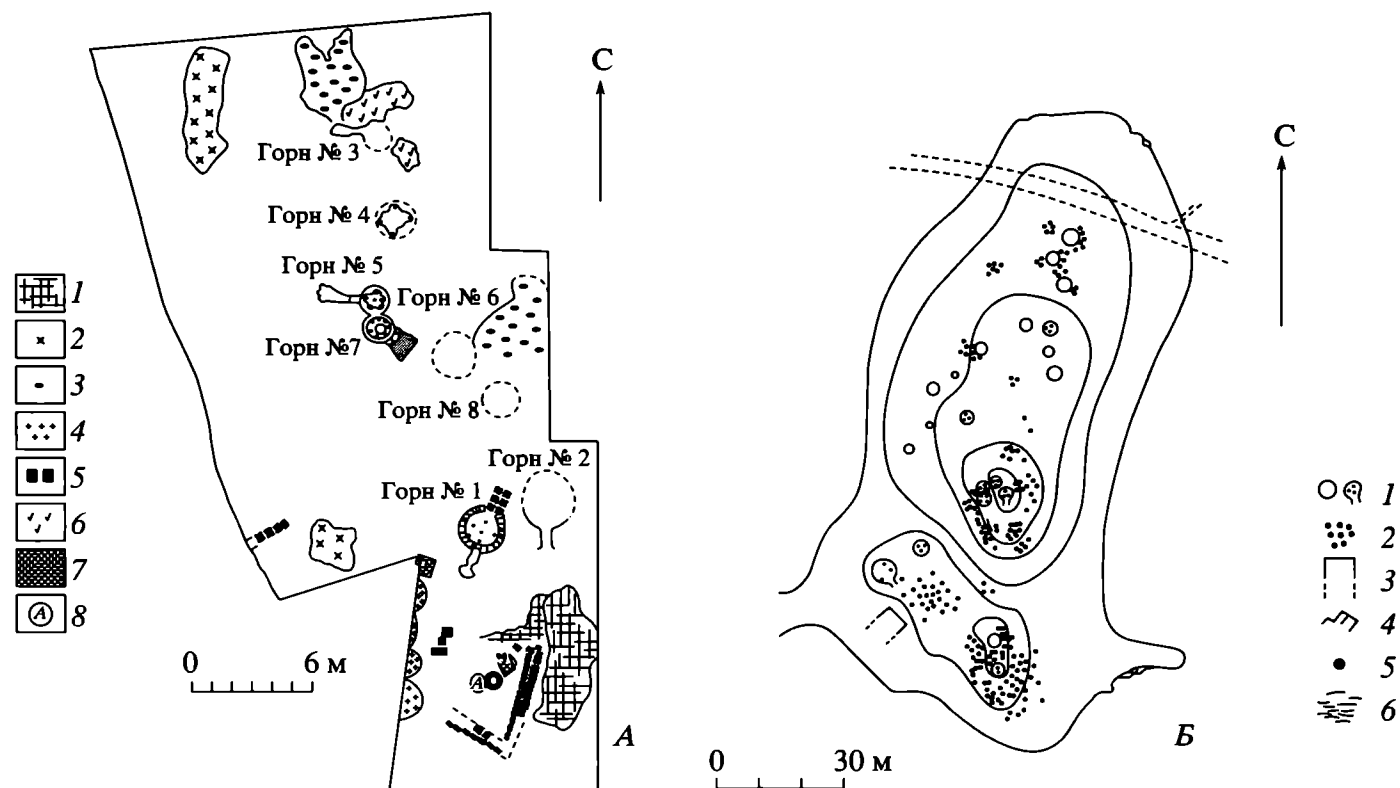

Рис. 5. Производственные центры на территории Хорезма: городища Кюзели-гыр и окрестности замка Якки-Парсан. А – Производственный центр Кюзели-гыр: 1 – деформированный сырцовый кирпич; 2 – скопление золы серого цвета; 3 – отвалы бракованной керамики; 4 – ямы с пережженным гипсом; 5 – сырцовый кирпич; 6 – скопления фрагментов терракот; 7 – прокаленная до красна глина (очаги); 8 – нижняя часть необожженного сосуда. Б – Производственный центр в окрестностях Якке-Парсана: 1 – горны; 2 – скопление керамики; 3 – следы построек; 4 – усадьбы; 5 – горны; 6 – керамический шлак, керамика.

горнов, расположенная на краю поселения, но вне пределов жилой застройки.

Этот тип производства чаще встречается в сельскохозяйственных районах. Наибольшее количество объектов зафиксировано в Хорезме (9), известны они и в других областях (северное Уч-депе в Маргиане, Ак-тепе и Хатын-Рабат в Бактрии, Гаш-депе в Парфии).

Для Хорезма характерен только первый вариант. В большей степени изучен производственный центр Кюзели-гыр (IV–II вв до н.э.). Он включал в себя 8 обжигательных горнов с рабочими площадками около них и небольшую мастерскую. Здесь же, рядом с мастерской находились производственные очаги и ямы с пережженным гипсом (рис. 5, А). Никаких жилых построек этого же периода рядом не зафиксировано (Воробьева, 1959. С. 200–201). Аналогичная ситуация зафиксирована и на других производственных центрах (рис. 5, Б) (Воробьева, 1961. С. 149. Рис. 1; Неразик, 1968. С. 55). Они располагались на берегах каналов или русловых протоков вне поселений, в пределах освоенных ирригационных районов. Надо полагать, производства работали не постоянно, а во время определенного сезона.

Это были крупные мастерские, в которых трудились коллективы ремесленников – артели, производившие продукцию как на заказ, так и на ры-

нок, обслуживавшие население ирригационного района. Производство глиняной посуды на заказ во время определенного сезона, как можно предполагать, широко было распространено в древности. В одном из папирусов Оксинирха гончар, подтверждая получение платы за 1224 кувшина, обязуется поставить (читай изготовить) их в установленный срок, к сбору винограда (Фихман, 1965. С. 90).

Сезонный характер гончарного производства явление достаточно распространенное и универсальное. Следы временных гончарных мастерских II–IV вв н.э. зафиксированы в Поднепровье, на поселениях черняховской культуры. По данным этнографии, выделяются временные и постоянные сезонные производства. Организаторы временных сезонных производств перемещаются из района своего постоянного местожительства в район обитания непосредственных потребителей их посуды. Постоянные сезонные производства рассчитаны исключительно на местного потребителя. Они создавались в рамках долговременных поселений (Бобринский, 1991. С. 86, 87).

Производственные центры в Хорезме можно отнести к категории сезонных производств, которым, однако, присущи некоторые черты постоянных. Они создавались неподалеку от жилых поселений, существовавших не один десяток лет; вслед-

ствие чего можно предполагать, что они работали в течение нескольких сезонов. Кроме того, вряд ли хорезмийский обжигательный горн функционировал один-два сезона. Это достаточно сложное строительное сооружение, существовавшее довольно долго, о чем свидетельствуют следы многочисленных ремонтов.

Временные сезонные гончарные производства существовали в Средней Азии и много позже. В конце XIX в. в отдаленные селения Ташкентского оазиса, обычно в летнее время, выезжали мастера и на месте делали и обжигали посуду (Пещерева, 1959. С. 164; Неразик, 1976. С. 217).

В южных земледельческих областях Средней Азии производственные центры располагались на окраинах неукрепленных поселений. Типичным примером является Северное Уч-депе в Маргиане (середина I тыс. до н.э.), где на расстоянии 200–300 м от центрального бугра поселения зафиксированы две компактные группы горнов. Судя по микрорельефу поселения, рядом с ними были какие-то постройки (Массон, 1959, С. 83). Аналогичное производство, но более позднего времени – не раннее III–IV вв. н.э., выявлено на поселении Гаш-депе в Парфии (Губаев, Кошеленко, 1968. С. 37–41).

В северной Бактрии известно два производственных центра. Торгово-ремесленное поселение Хатын-Рабат (первые века до н.э. – первые века н.э.), где функционировало крупное гончарное производство, находилось неподалеку от Термеза (Пугаченкова, 1968. С. 31).

Еще один производственный центр, где раскопано три горна, располагался в 300–350 м от поселения Ак-тепе II (IV–V вв. н.э.) в Бишкентской долине (Кобадиян). Мастерские находились рядом с горнами (Седов, 1987. С. 113).

Наличие рядом с горнами и в том, и в другом случае жилых зданий дает основание предполагать, что производство работало на постоянной основе.

По масштабам производства эти два центра вполне сопоставимы, но, как представляется, выполняли различные функции в экономической системе земледельческих оазисов. Хатын-рабат, видимо, являлся торгово-ремесленным центром для близлежащих земледельческих поселений в округе Термеза.

К северу от Ак-тепе II находятся крупные курганные могильники – Тулхарский и Аруктаусский (Литвинский, Седов, 1984. С. 5), оставленные скотоводческим населением. Это дает основание считать, что производственный центр Ак-тепе II удовлетворял потребности не только жителей окрестных поселений (Седов, 1987. С. 113), но и снабжал керамикой скотоводов.

Два производственных центра располагались около культовых центров. Кюзели-гыр находится

в 7 км к северо-востоку от культового центра Калалы-гыр 2. Доказательством того, что продукция Кюзели-гыр вывозилась на Калалы-гыр 2, являются находки на том и другом памятнике терракотовых статуэток, оттиснутых в одной форме (Воробьева, 1959. С. 203). Производственный центр III – начала IV в. н.э. открыт в 150 м от буддийского культового центра Кара-тепе в Старом Термезе (Пидаев, Като Кюдзо, 2003. С. 133). Небольшое керамическое производство вместе с кирпичеобжигательной печью раскопано на поселении Айртам, неподалеку от буддийского храма (Тургунов, 1973. С. 59, 63). Совсем не обязательно, что эти производства являлись частью храмового хозяйства. Возможно, посудой, изготовленной на Кюзели-гыр, пользовались во время ритуальных праздников, проходивших на Калалы-гыр 2, а керамические производства на Кара-тепе и Айртаме обслуживали паломников. Работали здесь, надо полагать, свободные ремесленники, приглашенные или нанятые храмовой администрацией. Подобная практика существовала на Востоке и ранее. В Месопотамии, в позднеавилонский период, храмы располагали небольшим числом своих рабов-ремесленников, и храмовая администрация постоянно обращалась к свободному ремесленному труду (Дандамаев, 1974. С. 177, 178).

Несколько особняком, в первую очередь по объему производства – 20 горнов и более, в ряду памятников 3-го типа стоят крупные производственные центры, такие как Сары-тепе 2 в 8 км от Афрасиаба, Хумбуз-тепе в южном Хорезме и Гяур-кала в Присаракамышской дельте.

Гяур-кала расположена неподалеку от Нурумского оазиса (Неразик, 1976. С. 17). По-видимому, эти керамические производства работали в один и тот же период времени и выполняли схожие функции – снабжали посудой кочевников на северо-западных границах государства.

Возможно, несколько другие функции выполняли производственные центры середины I тыс. до н.э. Сары-тепе 2 и Хумбуз-тепе.

Сары-тепе 2 занимает площадь 3 га. Здесь зафиксировано 20 обжигательных горнов, а также ямы с производственными отвалами (Иваницкий, 1992. С. 22, 23).

Хумбуз-тепе расположено на левом берегу Амударьи, в 17 км к востоку от Хазараспа и занимает, в настоящее время, площадь 4.6 га. Здесь зафиксированы следы 10 обжигательных горнов. Есть основания полагать, что их было больше. Рядом с раскопанным горном выявлена часть производственного помещения (Болелов, 1999. С. 85–90).

Оба памятника находятся в нескольких километрах от крупных центров обширных земледельческих областей. Возникновение этих производственных центров знаменует собой первоначаль-

ный этап становления ремесленного гончарного производства на территории Согда и Хорезма. Здесь раскопаны самые ранние на территории области двухъярусные обжигательные горны. Предполагаемые объемы производимой продукции вполне могли удовлетворять запросы весьма обширной сельскохозяйственной округи.

Есть основания предполагать, что в этих центрах работали крупные коллективы ремесленников, которые, возможно, были выходцами из областей традиционного гончарства Бактрии и Маргианы, где двухъярусный обжигательный горн сформировался в результате длительной эволюции, а гончарный круг появился уже в эпоху бронзы. Подтверждением этому является близость одного из типов горнов Сары-тепе 2 горнам производственного центра эпохи поздней бронзы Бустон-4 в Бактрии (Рахманов, 1979. С. 35–43), и почти полное сходство горна на Хумбуз-тепе с маргианскими горнами эпохи раннего железа (Болелов, 1999. С. 87).

Небольшие гончарные мастерские (4-й тип) – от одного до трех горнов, находящихся рядом с жилой постройкой в пределах усадьбы. Такие мастерские зафиксированы как в пределах города или крепости, но не на территории квартала керамистов, так и в сельской местности.

Одна мастерская первых веков н.э. раскопана в крепости Игды-кала на Узбое. Она состояла по крайней мере из двух помещений, в которых найдено большое количество уже сформованных, но не обожженных сосудов. В углу одного из помещений обнаружена подготовленная к работе глина (Юсупов, 1986. С. 170–173).

По всей видимости, небольшая мастерская существовала на цитадели Дальверзин-тепе, где раскопано два обжигательных горна, датированных греко-бактрийским временем (Akira Nogi, 2000. С. 75–78; Восковский, 2001. С. 12–14).

Часть гончарной мастерской первых веков до н.э. – первых веков н.э. открыта в северной части городища Афрасиаб. Здесь вскрыто помещение длиной 10 м, в котором обнаружены кучи промышленной глины, каменный “подшипник”, надо полагать от гончарного круга, и две глиняные формы для изготовления терракотовых статуэток. Рядом с помещением раскопан обжигательный горн (Тереножкин, 1951. С. 136–140).

Объекты 4-го типа зафиксированы и в пригородной зоне. Обжигательный горн раскопан к юго-западу от Дальверзин-тепе (Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978. С. 115). Горны зафиксированы в пригородах Дильберджина (Кругликова, 1986. С. 9. Рис. 1) и Джагат-тепе (Кругликова, 2004. С. 481, 482). Мастерская III в. до н.э. полностью раскопана в пригородной зоне Кампыртепа. Она включала в себя один обжигательный горн, площадку под навесом, небольшую полуземлянку. Отсутствие ря-

дом капитальных жилых построек дает основания предполагать, что мастерская работала не постоянно, а в течение определенного сезона (рис. 6) (Болелов, 2001. С. 15–24).

В сельской местности мастерские располагались на поселении, рядом или на территории усадьбы – поселение у юго-западного мыса Тарым-ка в левобережном Хорезме (Вайнберг, 1991. С. 44).

На поселении могло функционировать до трех таких мастерских. Так было на поселении Барактам (Толстов, 1962. С. 238. Рис. 149). Сравнительно крупная керамическая мастерская существовала на поселении IV в. н.э. Турпак-кала I (Неразик, 1976. С. 49. Рис. 24).

В мастерских, по всей видимости, работали 3–4 человека – мастер, подмастерье и 1–2 ученика. Основанием для такого предположения могут служить этнографические материалы по Хорезму. В первой трети XX в. у мастера-керамиста Таджи-Палвана из кишлака Каттабаг мастерская состояла из одного помещения и расположенных рядом с ним двух обжигательных горнов. В производстве кроме самого мастера были заняты еще три человека (Екимова, 1959. С. 349).

Керамические мастерские 4-го типа были распространены на протяжении всего изучаемого периода – с VI–IV вв. до н.э. по III–IV вв. н.э. Возможно, мастерские обслуживали одно или несколько поселений, находящихся неподалеку друг от друга. В данном случае речь не может идти о развитом товарном керамическом производстве, поскольку рынок был ограничен пределами этих поселений. Эту форму гончарного производства можно квалифицировать как общинное ремесло и первоначальную ступень развития гончарного ремесла в Средней Азии, когда возникает товарное обращение гончарных изделий.

Общинное ремесло, как этап развития производства, фиксируется уже у раннеземледельческих племен Малой Азии и Среднего Востока, когда появляются мастера-ремесленники, обслуживавшие потребности всех членов общины (Массон, 1976. С. 62–64). Эта форма производства оставалась наиболее устойчивой и неизменной по части организации на протяжении всего рассматриваемого в статье периода не только на территории Средней Азии, но и в других областях Древнего Востока.

В эпоху эллинизма в сельских общинах Малой Азии гончарные изделия производились на месте. Каждая деревня имела своих доморощенных мастеров, работающих на внутренний рынок. В этих же селениях жили лица, трудившиеся за плату и не являвшиеся членами общины (Голубцова, 1972).

В государстве Крорайна, в Восточном Туркестане, ремесленники также не выделялись из среды крестьянства. Они имели свои участки земли и платили налоги (Воробьева-Десятовская, 1992. С. 105).

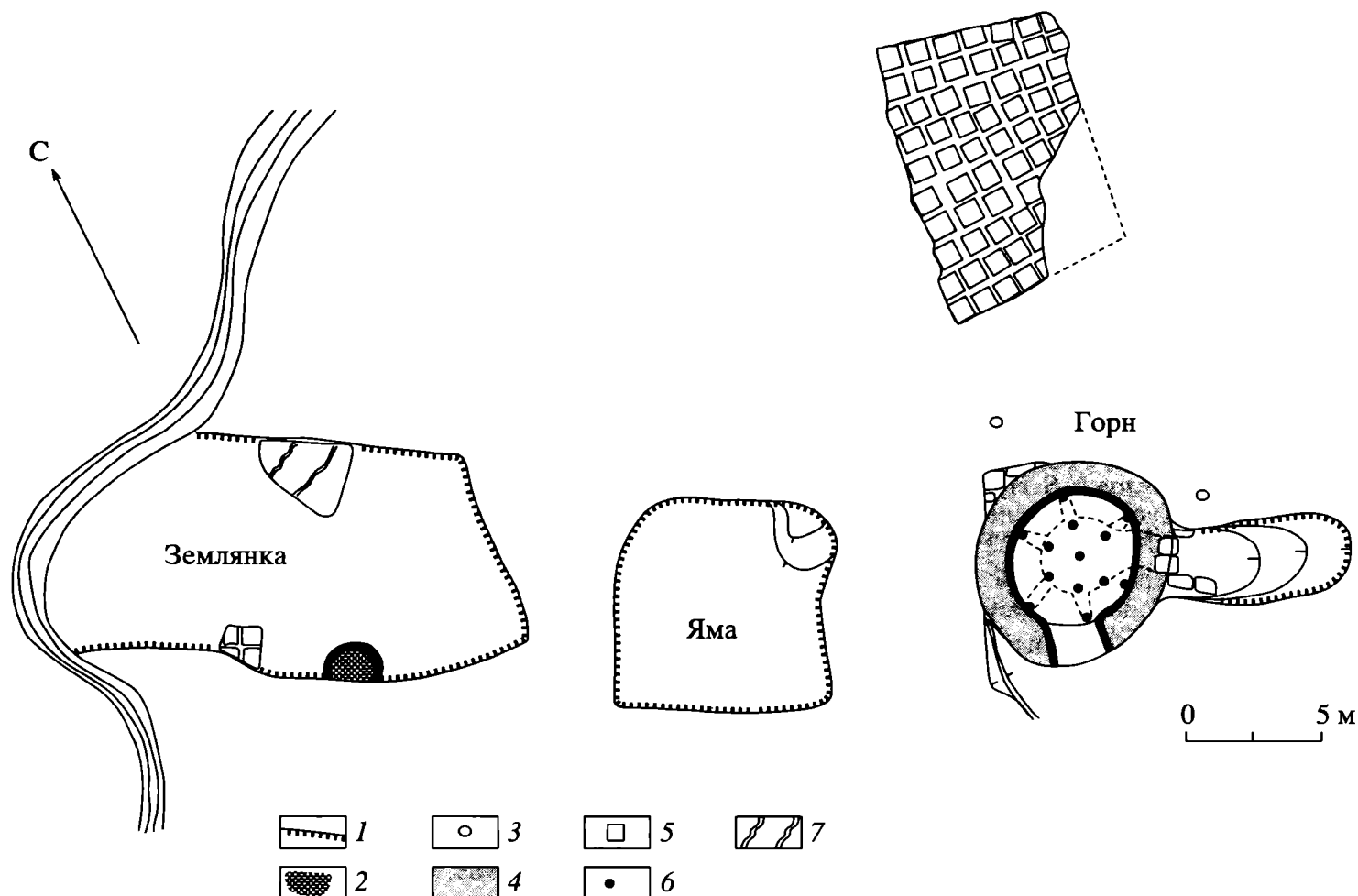

Рис. 6. Гончарная мастерская в пригороде Кампыртепа: 1 – борт котлована, вырубленного в материке; 2 – зольник; 3 – столбовая ямка; 4 – кирпичные стены обжигательной камеры; 5 – сырцовый кирпич; 6 – продухи; 7 – пахса.

Таким образом, в изучаемый период на территории Средней Азии сосуществовали различные организационные формы ремесленного производства, являвшегося частью экономической структуры историко-культурной области, где преобладал тот или иной тип, в зависимости от специфики ее хозяйственной системы. В этом контексте Бактрию и Хорезм можно рассматривать как два полюса. С одной стороны Бактрия, урбанизированная область Средней Азии, где основное ремесленное производство сосредоточено в городах, в кварталах керамистов. С другой стороны, Хорезм – аграрная страна, где гончарное производство было вынесено в сельскую местность, поближе к потребителю.

На протяжении всего изучаемого периода, как в городах, так и в сельской местности, широко было распространено и общинное ремесло, работавшее как на постоянной, так и временной основе.

Помимо экономического фактора в системе размещения гончарных производств на территории Средней Азии определенную роль играл и политический фактор. Размещение крупных керамических производств на границах земледельческих оазисов, в Хорезме и Маргиане, вполне возможно связать с протекционистской политикой государ-

ственной власти по отношению к скотоводческим племенам, расселявшимся на окраинах государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
- Ахраров И.А., Усманова З.И. Керамическая печь позднеантичного времени // Тр. ЮТАКЭ. Т. XVII. Ашхабад, 1980.
- Беленицкий А.М. Организация ремесла в Самарканде XV–XVI вв. // КСИИМК. Вып. VI. М.; Л., 1940.
- Белова Н.К. Традиционный город в Иране и его эволюция // Город как социальное культурное явление исторического процесса. М., 1995.
- Бинкерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985.
- Бобринский А.А. Методика изучения организационных форм гончарных производств // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989.
- Бобринский А.А. Гончарные мастерские и гончарные горны Восточной Европы (по материалам II–V вв.) М., 1991.
- Болелов С.Б. Гончарство Древнего Хорезма: формы организации ремесла (VI в. до н.э. – IV в. н.э.) // ЭО. 1997. № 2.

- Болелов С.Б. Некоторые итоги археологических работ на Хумбузтепе // ОНУ. 1999. № 9–10.
- Болелов С.Б. Гончарная мастерская III–II вв. до н.э. на Кампыртепа (К вопросу о керамическом производстве и организации ремесла в Северной Бактрии эпохи эллинизма) // МТЭ. Вып. 2. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2001.
- Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М., 1985.
- Вайнберг Б.И. Поздние туркменские поселения и жилища земель “древнего орошения” левобережного Хорезма. АКД. М., 1961.
- Вайнберг Б.И. Изучение памятников Присаракамьшской дельты Амударьи в 70-х – 80-х гг. // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма. М., 1991.
- Вайнберг Б.И., Болелов С.Б. Нурумский оазис на западе Хорезма // Культурные ценности. Международный ежегодник. 1997–1998. СПб., 1999.
- Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода // Тр. ХАЭЭ. Т. IV. М., 1959.
- Воробьева М.Г. Опыт картографирования гончарных печей для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана // Матер. к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. М.; Л., 1961.
- Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразик Е.Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958–1960 гг. // МХЭ. Вып. 6. М., 1963.
- Воробьева-Десятовская М.В. Индийцы // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992.
- Восковский А.А. Керамические печи греко-бактрийского времени на цитадели Дальверзинтепа // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент, 2001.
- Голубцова Е.С. Сельская община Малой Азии. М., 1972.
- Городище Топрак-кала // Тр. ХАЭЭ. Т. XII. М., 1981.
- Губаев А., Кошеленко Г.А. Изучение античных и раннесредневековых памятников // КД. Вып. 1. Ашхабад, 1968.
- Дандамаев М.А. Рабство в Вавилонии. М., 1974.
- Дандамаев М.А. Нововавилонское общество и экономика // Государство на Древнем Востоке. М., 2004.
- Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
- Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985.
- Екимова В.В. Гончарное производство в Хивинском районе // Тр. ХАЭЭ. Т. IV. М., 1959.
- Иваницкий И.Д. Саратэбе-2 – поселение керамистов середины I тыс. до н.э. под Самаркандом // ИМКУ. Вып. 26. Ташкент, 1992.
- Исамиддинов М.Х., Раимкулов А.А. Квартал керамистов на Еркургане VI–VII вв. н.э. (Р-20) // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991.
- Исамиддинов М.Х., Хасанов М.Х. История древнего и средневекового керамического производства Нахшеба. Ташкент, 2000.
- Касумова С.Ю. Южный Азербайджан в III–VII вв. Баку, 1983.
- Кошеленко Г.А. Культура Парфии. М., 1966.
- Кругликова И.Т. Дильберджин. Храм Диоскуров. М., 1986.
- Кругликова И.Т. Джагат-тепе // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIV. М.; Магнитогорск, 2004.
- Литвинский Б.А. Кушанский город. Индийско-среднеазиатские параллели // Древний Восток и мировая культура. М., 1981.
- Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепай-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983.
- Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984.
- Луконин В.Г. Древний и средневековый Восток. М., 1987.
- Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X – нач. XIII вв. // Тр. ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962.
- Масимов И.С. Керамическое производство эпохи бронзы в южном Туркменистане. Ашхабад, 1976.
- Массон В.М. Проблема древнего города и археологические памятники северной Бактрии // Древняя Бактрия Л., 1974.
- Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- Мухитдинов Х. Гончарный квартал городища Саксанохур // Изв. ООИ АН Таджикской ССР. № 3 (53). Душанбе, 1968.
- Неразик Е.Е. Новые материалы по гончарному ремеслу в древнем Хорезме // Вестн. КК ФАН АН Уз. ССР. 1968. № 2.
- Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.) // Тр. ХАЭЭ. Т. IX. М., 1976.
- Неразик Е.Е. Материалы по землепользованию в Хорезме первых веков н.э. // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
- Неразик Е.Е. К проблеме развития городов Хорезма // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
- Неразик Е.Е. Археологический комплекс первых веков н.э. из Хорезма // СА. 1987. № 2.
- Неразик Е.Е. Раннее средневековье в Хорезме // ЭО. 1997. № 1.
- Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии // Тр. ИЭ АН СССР. Новая серия. Т. XLII. М., 1959.
- Пигулевская Н.Я. Города Ирана в раннем средневековье. М., 1956.
- Пидаев Ш.Р. Раскопки жилого комплекса в северо-западной части городища Зар-тепа // ИМКУ. Вып. 22. Ташкент, 1988.
- Пидаев Ш.Р., Като Кюдзо. Археологические исследования Узбекистано-Японской экспедиции на Каратеппе в Старом Термезе // Археологические исследования в Узбекистане 2002 г. Ташкент, 2003.
- Пугаченкова Г.А. К изучению памятников Северной Бактрии // ОНУ. № 8. Ташкент, 1968.
- Пугаченкова Г.А. Храм Бактрийской богини на Дальверзин-тепе // Древний Восток и мировая культура. М., 1981.

- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В.* Северная Бактрия – Тохаристан. Очерки истории культуры. Ташкент, 1990.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др.* Дальвензир-тепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1078.
- Рахманов У.* Раскопки керамических горнов культуры Сапхали на Бустане 4 // ИМКУ. Вып. 15. Ташкент, 1979.
- Седов А.В.* Кобадиян на пороге раннего средневековья. М., 1987.
- Солодухо Ю.А.* Город и городское самоуправление в сасанидском Ираке (по талмудическим источникам) // Проблемы социально-экономической истории Древнего Мира. М.; Л., 1963.
- Тереножкин А.И.* Раскопки на городище Афрасиаб // КСИИМК. Т. XXXVI. М., 1951.
- Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Тревер К.В.* К вопросу о ремесленных корпорациях в Сасанидском Иране // Эллинистический Ближний Восток, Византия, Иран. М., 1967.
- Тургунов Б.А.* К изучению Айртама // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
- Филанович М.И.* Гяур-кала // Тр. ЮТАКЭ. Т. XV. Ашхабад, 1974.
- Фихман И.Ф.* Египет на рубеже двух эпох. Ремесленники и ремесленный труд в IV–VII вв. М., 1965.
- Шарахимов Ш.С.* К истории изучения гончарного дела на Афрасабе // ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977.
- Юсупов Х.Ю.* Древности Узбоя. Ашхабад, 1986.
- Akira Hori.* Greko-Baktrian Pottery kilns at Dal'verzin Tepe, Uzbekistan // Bulletin of the Ancient Orient Museum. V. XXI. Tokyo, 2000.
- Mendelsohn I.* Gilds in Babylonia and Assiria // JAOS. 1940. № 60.
- Strommberger E.* Gefäße aus Uruk von den neubabylonischen Zeit bis zu den Sasaniden. B., 1967
- Weisberg D.* Guild Structure and Political Allegiance in Early Achaemenid Mesopotamia. New Haven; L., 1967.

Pottery production in Central Asia: 500 BC – 500 AD (Structure and location)

S. B. Bolelov

Summary

The paper is devoted to ceramics of Central Asia of the period of a handicraft commodity manufacture. More than 70 archeological objects of the second half of the 1st mill. BC – the first half of the 1st mill. AD connected with ceramics are taken into consideration in it. The author marks out a few types of manufactures according to a volume of production as well as to location of a manufacture with regard to a settlement: handicraft ceramic settlements, town ceramic blocks, small ceramic manufactures. We can suppose that the first three types functioned as handicraft commodity manufactures, which were both constant and temporary. The last type can be connected with a communal handicraft. As a result of the analysis of the material that is available at present the author has every reason to consider that different organizational forms of handicraft ceramics, which are a part of the economical system of the concrete historical and cultural region existed in the territory of Central Asia in the pointed period. Besides the forms of the commodity handicraft manufacture the communal handicraft working on a constant as well as on a temporary base was widely spread both in towns and in countries throughout all the investigated period.